

Книги о драматургах

А. АНАСТАСЬЕВ

Законно желание многих и многих читателей видеть на своей книжной полке фундаментальный труд по истории советской драматургии. Пока это желание невыполнимо. Одной из серьезных причин, мешающих созданию такой работы, является то обстоятельство, что наши критики и театроведы далеко не достаточно исследовали творчество советских драматургов в отдельности. Вот почему можно от души порадоваться тому, что в последние годы заметно повысился интерес исследователей к монографическому жанру. В издательстве «Советский писатель» готовится монография о К. Треневе. Издательство «Искусство» предполагает в скором времени выпустить работу, посвященную драматургии А. Корнейчука. Уже вышли в свет книги А. Богуславского об А. Афиногенове и И. Эвентова о Б. Лавреневе.

Обе эти вышедшие книги принесут известную пользу читателям. Авторы монографий сообщают немало интересных сведений о писательской и общественной деятельности Б. Лавренева и А. Афиногенова, верно оценивают идейно-художественные качества ряда их произведений. В обеих книгах не сглаживается, не приукрашивается сложный творческий путь драматургов, а делается попытка (правда, не всегда удачно) разобраться в трудностях, которые стояли на этом пути.

Однако, вместе с тем, книги содержат серьезные недостатки, которые должны быть учтены в трудной работе по созданию монографий о наших драматургах.

Сорокалетний творческий путь Б. Лавренева задумал осветить в своем небольшом критико-биографическом очерке И. Эвентов: от юношеских стихотворений, весьма далеких от реализма, до выдающихся драматических произведений крупного советского писателя. Что и говорить — задача крайне трудная! Успешно решить ее можно лишь в том случае, если автор сумеет выделить главное и коротко коснуться

А. Богуславский. «А. Н. Афиногенов». Очерк жизни и творчества. Изд. Академии наук СССР. Москва, 1952. Отв. редактор Е. Н. Горбунова.
И. Эвентов. «Борис Лавренев». Критико-биографический очерк. «Советский писатель». Ленинград, 1951. Редактор Вс. Воеводин.

ся (а иногда пройти мимо) второстепенного. И. Эвентову не удалось соблюсти в книжке верные пропорции. Он оказался в плену у материала, и поэтому характеристики отдельных произведений не сложились в рассказ о пути Б. Лавренева в литературе.

Нарушение пропорций проявилось и в другом: драматическое творчество Б. Лавренева оказалось где-то на втором плане. В начале книги И. Эвентов справедливо пишет, что «наиболее значительной и плодотворной является деятельность Лавренева-драматурга», но в ходе изложения материала, по существу, опровергает эту верную мысль, уделяя пьесам писателя явно мало места и внимания. Достаточно сказать, что анализу «Разлома», «За тех, кто в море!» и «Голоса Америки» отведено нерасчетливым автором меньше половины очерка.

Неверно построив очерк, И. Эвентов не сумел разобраться в художественных особенностях драматургии Б. Лавренева. Вот автор пишет: «К числу важнейших достоинств, которыми должна обладать современная пьеса, не говоря уже об ее передовом идейном содержании, Б. Лавренев относил сюжетность, насыщенность действием и доходчивость языка. Правильно. Но читатель вправе ждать от автора, чтобы он показал, как эти эстетические требования воплотились в произведения драматурга. Иногда И. Эвентов пытается это сделать, например, в анализе пьесы «За тех, кто в море!», и эти страницы читаются с наибольшим интересом. Но верные наблюдения остаются лишь единичными примерами, не поставленными в связь со всем творчеством драматурга.

Написанная двадцать пять лет назад, пьеса «Разлом» сохранила в наши дни и еще долго сохранит свою идейную и художественную силу. Можно было думать, что автор монографии о Лавреневе попытается объяснить, что дало этому произведению долгую жизнь, чему учит оно наших современных драматургов. И. Эвентов не сделал этого. Он рассматривает «Разлом» прежде всего лишь в связи с эволюцией героя в прозе Лавренева и почти не касается драматургических особенностей произведения.

А ведь достаточно внимательно приглядеться к «Разлому», и станет ясно, в какой крепкий драматургический узел связаны все события, происходящие в пьесе, все судьбы героев; в драме нет ни одной «необязательной» сцены — каждый эпизод служит развитию четкого, стремительного сюжета. Скажем, диалог Ксении и Полевого может показаться на первый взгляд всего лишь «развлекательным» эпизодом, в лучшем случае характеризующим испорченную девчонку. Но попробуйте «вынуть» его из пьесы, и действие остановится, ибо этот эпизод критически, сюжетно связан с финалом. Сцена заговора у Штубе раскрывает разбойничьи планы белогвардейщины, но она необходима и для раскрытия характера Берсенева.

Вот на подобные черты мастерства драматурга И. Эвентов обратил далеко не достаточно внимание, а ведь именно в них становится зримым и поучительным опыт писателя. И опыт этот в его живой конкретности нужен сейчас больше, чем когда-либо, потому что он может и должен помочь в преодолении тяжелого положения, в котором оказалась наша драматургия.

**

А. Богуславский обратился к опыту другого советского драматурга — А. Афиногенова. Очерк жизни и творчества писателя представляет собою плод многолетнего труда автора, и это ощущается в привлечении большого, часто неопубликованного материала. Книга хорошо издана, снабжена научным аппаратом.

Но при всех этих несомненных достоинствах работы она вызывает чувство неудовлетворенности тем прежде всего, что автор не занял твердой и ясной позиции в оценке творчества Афиногенова. Читаешь книгу, и все время кажется, что автор оглядывается на каких-то злых и придирчивых критиков-догматиков и думает только о том, как бы не ошибиться...

А. Богуславский хочет быть объективным, хочет критически оценить каждое произведение писателя. Это очень хорошо. Но плохо то, что объективность эта оборачивается боязнью высказать свое определенное мнение о той или иной пьесе, о том или ином образе. Вместо того, чтобы выделить в произведении главное, автор регистраторски подчитывает достоинства и недостатки. Такой путь исследования приводит к вопиющим противоречиям и часто к несправедливым оценкам.

Вот наглядный пример исследовательской «осторожности» А. Богуславского. Положительно оценив образ Клары из «Страха», автор спешит оговориться: «Схематизм, повредивший образам Кимбаева и Елены Макаровой, сказался, однако, и на образе Клары, которому, при всех его положительных качествах, недостает все же реалистической силы и полноты». Но можно ли всерьез говорить о положительных качествах образа, если ему недостает реалистической силы? Да и неверно это — образ Клары хорош именно правдивостью, реалистичностью.

Образец противоречивости являют собою странички книги, посвященные «Чудаку». Вот некоторые авторские оценки:

«Чудак» — первая пьеса Афиногенова, в которой есть удачные попытки создать настоящие человеческие характеры, есть настоящий драматизм, стройная композиция, индивидуализированная речь персонажей».

«Афиногенов подметил и отразил важные жизненные явления: рост трудового энтузиазма на производстве, искреннее стремление рядовой советской интеллигенции к честному и активному участию в социалистическом строительстве».

И — одной строкой ниже: «Однако пьеса «Чудак» содержала весьма серьезные недостатки: неверны были ее драматургический замысел и главная драматическая коллизия».

Как же согласовать эти взаимоисключающие оценки, как судить читателю о пьесе Афиногенова? Автор, видимо, ждал подобных вопросов и нашел выход в спасительной формуле горе-рецензентов: «Несмотря на эти большие идейные недостатки, пьеса «Чудак» все же была значительным явлением в драматургии конца 20-х годов и в истории советской драматургии в целом».

Хорошая пьеса «Чудак», действительно, имеет серьезные недостатки. Образы старого рабочего Петрова и комсомольца Федя Вишнякова несут на себе печать схематичности. Мелодраматическая линия Симы Мармер — Котова — Волгина чужда реалистическому существу пьесы. Есть в «Чудаке» и другие недостатки, о которых можно и нужно прямо сказать, не опорачивая пьесу в целом и не маскируя свое к ней отношение научной противоречивых суждений.

Думается, что в критической позиции А. Богуславского многое идет от ханжеской, «ограничительной» критики, которая способствовала отставанию нашей драматур-

гии в последние годы. Приведем одну цитату из книги:

«В обрисовке образов бюрократившихся коммунистов — директора фабрики Дробного и особенно председателиныи фабкома Трошиной — Афиногенов пошел по пути шаржа и карикатурного преувеличения... такие директора и такие предфабкомы, во-первых, представляли собой исключительное явление, а, во-вторых, их недостатки все же не принимали таких гипертрофированных размеров, как у афиногеновских персонажей, которые, вследствие чрезмерного сгущения красок, лишались правдоподобия и убедительности, утрачивали реальный характер».

Не правда ли, эти суждения живо напоминают писания критиков, вялящих в сатирическом разоблачении отрицательных явлений действительности «подрыв всех основ» и постоянно прибегающих к жупелу «нетипичности».

По и Волгин вызывает нарекания А. Богуславского: «Наивная восторженность, абстрактная мечтательность, жертвенность, самоограничение — все эти черты Волгина не вяжутся с обликом человека советской эпохи — они идут от прошлого, от дореволюционной интеллигенции».

Не говоря уже о том, что автор подхлест к образу Волгина (как и всей пьесе в целом) неисторически, за этики громкими словами скрывается желание вилить на сцене обезличенных, построенных по схеме «правильного» неких «идеальных» героев. Образ Лаврентия из «Далекого» также не нравится автору потому, что Афиногенов наделил бывшего красноармейца индивидуалистическими пережитками.

Ну и что же? Почему глубоко преданный делу социализма Волгин не может быть мечтательным и наивно-восторженным, а Лаврентьев — упрямым в своем неверном желании вырваться из Далекого? Это ведь и есть те индивидуальные черты характера, за которые как будто бы ратует автор монографии.

**

Монография должна рассказать о творческом пути писателя, следовательно, она носит исторический характер. Но непременная задача исследователя заключается в том, чтобы показать в писательском опыте то главное, что дорого для литературы наших дней. К сожалению, книги И. Эвентова и А. Богуславского в очень малой мере удовлетворяют этому требованию.